

# Подготовка танкистов во время войны

М. В. КАРТАШЕВ



М. В. Карташев

звании полковника. Находясь на заслуженном отдыхе, написал книгу воспоминаний о своей военной и послевоенной жизни. При помощи родных и близких машинописный экземпляр этой книги увидел свет в начале 2000-х гг. Материал из нее любезно предоставлен его сыном Н. М. Карташевым, бывшим сотрудником завода № 1 ВНИИЭФ.

## Начало

В августе призвали в армию моих друзей Николая Зайцева, Николая Уставникова, к сожалению, им не пришлось долго воевать, они погибли в 1942 г. Мне повестку прислали в октябре 1941 г. Собрав все необходимое в вещевой мешок, надев пальто и яловые сапоги, я прибыл на сборный пункт у школы № 2 города Тейково. Во второй половине дня колонна из двухсот человек тронулась пешим порядком в направлении города Середы. Пройдя 20 км, мы остановились в одной из деревень по дороге Иваново – Владимир. Нам были известны конечный пункт, направление движения и пункты ночного отдыха. Шли мы целую неделю и, наконец, прибыли в город Кулебаки Горьковской области. Там разместились в каких-то бараках на окраине. Мы прожили более двух недель в карантине.

Пищу готовили на временно построенной полевой кухне в сосновом бору, два раза в день.

Стояла холодная погода. В день 24-й годовщины Октября перед нами выступил с беседой лейтенант. У нас было тревожное настроение, так как по радио сообщали о боях на подступах к Москве. Во время карантинного пребывания в Кулебаках мы с утра до вечера занимались строевой подготовкой и приемами обращения с винтовкой. Приемы рукопашного боя отрабатывались в поле, так как учебного оружия не было. В начале декабря мы с большой радостью восприняли сообщение о том, что враг под Москвой разбит контрнаступлением Красной армии. Мне тогда казалось, что разгром под Москвой немецко-фашистских захватчиков – это повторение истории битвы с Наполеоном. Думал, все, немцы неудержимо покатаются на рубежи, с которых начали войну. Подобного не произошло, немцы отступили под напором Красной армии на 200–300 км от Москвы, но и это было радостным событием для советского народа.

Не прошло и месяца карантина, как отобрали группу солдат со средним образованием и направили в г. Дзержинск в 34-й учебный танковый полк. Среди отобранных были я и мой одноклассник Александр Михайлов. Привели нас на вокзал и посадили в пассажирский вагон. Как приятно было ехать тогда в теплом вагоне, хотя и без постели. Прибыли на станцию Дзержинск и пешим порядком направились в танковый полк. Вскоре нам выдали обмундирование – все новенькое. Дисциплина в роте поддерживалась на высоком уровне благодаря постоянной жесткой, а порой и грубой требовательности молодых командиров срочной службы. Роты располагались в классах бывшей школы. Температура в помещении была настолько низкой, что когда мыли полы, то образовывалась корочка льда. Командиры строго наказывали тех, кто ложился спать в нательном теплом белье. Досталось и мне однажды. Заметив меня спящим в теплом белье, командир отделения дал распоряжение дежурному по роте поднять меня в два часа ночи мыть полы. Я с двух до пяти мыл полы. С точки зрения современной морали, это было прямое издевательство. Но в войну применялись порою недозволенные методы в воспитании солдат.



*Танк Т-60*

В роте четко соблюдался распорядок дня. Занятия проходили с восьми утра и до десяти вечера: изучение уставов, строевая, техническая и огневая подготовка, вождение боевой машины. Тогда нам объявили, что будем учиться на командиров танков Т-60.

Мы понимали, какая это большая ответственность: изучить танк и уметь управлять им в бою. На танке стоял двигатель от автомашины ЗИС-5 и вооружение – 20-мм пушка. Тактические занятия проводились в поле, их вел командир взвода. Изучение уставов и наставлений проходило в землянке. Занятия проводил сержант Таран.

Питание было скудное: мороженая картошка, пшенная каша, макароны и капуста. Два раза в месяц взвод ходил в караул и работать на кухне. После работы на кухне, как правило, возникало расстройство желудка из-за чрезмерного употребления пищи. Один раз в неделю, в воскресенье, с песней шли в городской кинотеатр на просмотр фильма. Из-за недоедания и ослабления организма многие солдаты во время занятий дремали. Тогда сержант выводил весь взвод на улицу в одних гимнастерках и подавал команду: «По-пластунски, ориентир – отдельное дерево, вперед». Затем подавалась команда: «Встать. Взвод, в две шеренги становись. В землянку шагом марш!». После такой процедуры мы, замершие и уставшие, еще больше дремали. А однажды, за то, что дремали некоторые солдаты, помощник командира взвода приказал всему взводу «прогуляться» до завода им. Свердлова, а это составляло 15 км. Помню одного солдата по фамилии Давыдов, очень высокого роста. Во время марша он еле тащил ноги из-за постоянного недоедания. Норма питания для всех независимо от роста и комплекции была одинакова.

Большое внимание уделялось вождению и обслуживанию танка. Курс обучения занимал

полгода. Где-то в июле 1942 г. закончилась учеба, и нас направили из Дзержинска в Горький в 131-ю учебную танковую бригаду, в запасной полк. Мой друг Саша Михайлов остался в Дзержинске командиром отделения и прослужил в учебном полку до конца войны. Однако судьба его была короткой. В конце войны он заболел туберкулезом легких и, демобилизовавшись весной 1946 г., скончался.

В Горьком мы ждали танки с Сормовского завода. Нам не суждено было воевать на танках Т-60, так как завод перешел на выпуск новой модели – самоходной артиллерийской установки СУ-76 на базе танка Т-60, где вместо 20-мм пушки установили пушку 76 мм.

В ожидании новой техники мы не теряли время попусту, шла напряженная учеба по освоению американских танков М3-С. После успешных переговоров советского правительства с Америкой в нашу страну северным путем стали поступать танки, самолеты, пушки, боеприпасы, обмундирование, питание и автомобили. В то время развернулось мощное, но не достаточно подготовленное наступление на Харьковском направлении.

И в это же время из Горького отправляли наши маршевые роты в район Ржева на американской технике. Положение в стране становилось все труднее. Противник организовал крупное наступление на юге СССР с целью пройти к Волге и захватить Кавказ с его нефтяными богатствами. Прорвав фронт, немцы захватили Ростов, Краснодар, Севастополь и подошли к Сталинграду. Сотни экипажей спешно были направлены на Северо-Кавказский фронт. Противник близко подошел к Волге, и поэтому наш эшелон направили через Куйбышев, Аральск, Ташкент, Ашхабад, Красноводск. Ехали почти



*Американский танк М3-С*

полмесяца. К тому времени союзники поставляли нам танки не только через Мурманск, Архангельск, но и через Баку. В конце августа эшелон прибыл в Красноводск, где мы погрузились на пассажирский пароход. Поздно вечером, когда низко к горизонту опустилось солнце, пароход отчалил от пристани и взял курс на Баку. Где-то в середине ночи поднялся сильный ветер, и пароход стало бросать то вверх, то вниз. Меня настолько укачало, что вызвало сильную тошноту и рвоту. Я спустился с палубы в трюм корабля и мне стало легче, хотя там было душно от работающего двигателя. В двенадцать часов пароход прибыл в Баку. Выгрузившись с парохода ротными колоннами, мы направились на станцию Баладжоры, примерно в 12 км от Баку, а потом в поселок Сумгаит. Разместившись в глиняных бараках, мы приступили к изучению американских танков. Ежедневно в поле проводили практические учения. Из Ирака стала поступать боевая техника в 190-ю учебно-танковую бригаду. Поскольку до нашего приезда уже шла подготовка экипажей, до нас очередь дошла только в декабре.

### **В танковом училище**

В 1943 г. нашу 92-ю танковую бригаду отправили на запад и на ее базе сформировали мотоциклетный полк. Нам предложили ехать на учебу во 2-е Саратовское танковое училище. Зная о том, что в тылу с продовольствием очень трудно, мы решили имеющиеся у нас вещмешки набить консервами, крупой, солью, сахаром и другими продуктами. В штабе бригады старшему группы выписали предписание на отправку в Саратов. Начальник штаба подполковник пожелал нам успехов в учебе. Крепко пожал всем нам руки, и мы, все как один, повернулись к выходу из штабной палатки. В этот момент у палатки оказался командир бригады полковник Мартынов. «Это что за сержанты?» – обратился он к начальнику штаба. «Будущие офицеры, направляются на учебу во 2-е Саратовское танковое училище», – ответил начальник штаба. Полковник сказал нам теплые напутственные слова и попросил помнить боевые дела бригады: «Думаю, опыт, полученный в боях, поможет вам в учебе. Не исключена возможность нашей встречи с вами, молодыми лейтенантами, в боях за освобождение нашей Родины». У нас тогда возникли приятные чувства от теплых слов командира бригады. В моей жизни это была первая встреча с подполковником, и она навсегда сохранилась в памяти.

Воодушевленные добрым командирским напутствием, мы с большим желанием думали о будущей учебе. Хотелось смелее и увереннее действовать, чтобы хорошими делами оправдать оказанное доверие. Стояла прекрасная весенняя погода, лучи солнца пробивались через кроны деревьев, пахло ароматом молодой листвы. Бригада располагалась в горном ущелье. Нас ждала грузовая машина «Студебеккер», направляющаяся в Краснодар. Расположившись в кузове по обе стороны машины, мы тронулись. Теплый весенний ветер ласкал нас. Машина мчалась по накатанной грунтовой дороге, которая тянулась и блестела черной лентой кубанского чернозема. Два часа пролетели быстро, и мы оказались в Краснодаре. Старший команды предупредил, чтобы все собрались через пять часов на вокзале. Мы разбрелись по городу решать свои личные дела. Я пошел на Краснодарский рынок, и увидел там массу местных жителей, продающих предметы домашнего быта, обувь и одежду. Вдруг меня осенила мысль сфотографироваться на память. Одному не хотелось, и тут подвернулся кубанский казак с шашкой за поясом. Через два часа я получил фото.

Вечером вся наша команда собралась вовремя, мы закомпостировали билеты на поезд «Краснодар–Сталинград». В пути до ст. Кавказская у нас возникла мысль, а стоит ли нам так быстро спешить в училище? Мы сошли на станции и решили провести два дня на берегу реки Кубань. Стояла теплая солнечная погода, и мы пошли на реку купаться. Я до того момента не знал и не видел рек с быстрым течением. Спустившись с берега в речку, я оказался в мутном потоке, который меня потащил с большой скоростью. Несмотря на то, что я хорошо плавал, меня вынесло на противоположный берег метров за пятьдесят. Наступил вечер, и мы расположились в одном доме ночевать. Примерно в полночь немецкая авиация нанесла бомбовый удар по железнодорожной станции. Хозяйка вместе с детьми быстро покинула дом и разместилась в укрытии в саду. Мы, конечно, бравировав тем, что едем с фронта и нам «море по колено», продолжили ночевку в хате. Следуя по пути до Сталинграда, мы дважды останавливались, чтобы провести время на свободе. К счастью, нас выручали набитые продуктами вещевые мешки. С солью всегда дело обстояло плохо, и мы на нее обменивали разные продукты. Наконец прибыли в Сталинград. Это был до основания разрушенный и сожженный город. Станция представляла собой большой пас-

сажирский вагон. Через два дня мы прибыли в Саратов.

Нас разместили в карантинном помещении и загрузили хозяйственными делами. Немецкая авиация ежедневно совершала налеты на город, разбомбила нефтеперегонный завод. При бомбежке города часть бомб падало в реку Волгу. Волга в короткие июльские ночи хорошо просматривалась для бомбометания с высоты. Вскоре меня включили в курсантскую группу, которая занималась уже три месяца. Без особых усилий быстро освоил пройденные темы и догнал в учебе остальных. Мне хорошо давалось изучение материальной части танка Т-34.

На тактических занятиях проявлял активность и хорошо ориентировался в решении задач по условным боевым действиям. Топография, ориентирование на местности, теория стрельбы давались мне легко. В роте всегда поддерживался строгий порядок, и в этом была большая заслуга старшины Трегубова. Он обладал мягким доверительным характером в сочетании с требовательностью и чутким отношением к курсантам. Перед тем, как появиться перед строем роты, он располагался в канцелярии и принимал доклады от помкомвзвода о готовности взводов следовать на обед, ужин или занятия. Старшина всегда был подтянут, и легкая привлекательная улыбка не сходила с его лица. Куда бы рота ни шла – всегда с песней. Песня поднимала дух и хорошее настроение, усиливала сплоченность и дисциплинированность. Мы занимались с восьми утра до восьми вечера с перерывами на обед и ужин. До нашего приезда в училище всем выпускникам присваивалось воинское звание лейтенанта. С 1943 г. выпускники получали звание младшего лейтенанта.

Личного времени был всего один час. У меня наладилась связь с отцом, сестрами. Регулярно от них получал письма, узнавая новости о



жизни родственников в городе Тейково. К тому времени состояние здоровья отца резко ухудшилось. Он страдал болезнью легких, неоднократно перенес воспаление легких и много курил. Он уже не мог работать по договорам в колхозах и устроился столяром в туберкулезном диспансере. Брат Николай в 1942 г. получил под Брянском тяжелое ранение. Второй брат Петр тоже был ранен и после лечения устроился на комбинат токарем. Муж сестры Шуры Алексей Михайлович всю войну плавал по Волге, защищая военные объекты от фашистской авиации.

Тем временем учеба в училище шла своим чередом. На учебно-боевых стрельбах я показывал высокие результаты. Наступил 1944 год. Наша промышленность начала выпускать для фронта новую танкосамоходную установку СУ-85, а затем СУ-100. Самоходно-артиллерийские полки предназначались для сопровождения танков в атаке и усиления противотанковой обороны от немецких «Тигров» и «Фердинандов». Мы начали изучать способы стрельбы из САУ с закрытых огневых позиций.

Приближался день окончания военного училища. В июне 1944 г. мы сдали экзамены, я окончил училище на «отлично» по первому разряду. В конце июля пришел приказ о присвоении мне воинского звания младшего лейтенанта. Всем нам, молодым офицерам, выдали новую военную форму. Наступил день, когда сотня



*Т-34, модель 1941 г.*



СУ-100

молодых офицеров, построенная на плацу 2-го Саратовского танкового училища, прошла торжественным маршем под музыку духового оркестра, направилась на железнодорожный вокзал города. Нас провожали знакомые девушки, подруги, у многих из них была не только радость, но и слезы на глазах. Они понимали, что нас отправляют не на парад, а на войну громить ненавистных захватчиков. С болью в сердце я смотрел на некоторых друзей из роты, которые полюбили девушек из Саратовского сельскохозяйственного института. Они так тяжело расставались с ними, столько было слез, объятий, напутствий. Можно их понять, так как для многих это было последнее прощание.

Сели в пассажирский поезд, и он стал медленно отходить от перрона, взяв курс на Урал. Офицерская молодость... Сколько в ней могучих сил, душевных порывов, энтузиазма! Еще в училище курсант с нетерпением ожидает тех дней, когда он успешно сдаст государственный экзамен, и на его погонах засверкают офицерские звездочки. У молодого офицера есть мысли, волнующие его. Он делает первые шаги на новом поприще. В училище мы слышали немало советов, как нужно вести себя в части, чтобы быстро обрести доброе имя, завоевать уважение у подчиненных и начальников. Какие будут впереди трудности? Как их лучше преодолеть, чтобы не оступиться в первые годы офицерской юности? Пока поезд мчал нас в Свердловск, в сознании возникало много вопросов. Как сложится судьба на фронте? Смогу ли я найти дорогу к солдатскому сердцу и повести людей в бой, к победе? Будут ли бойцы подчиняться мне не за страх, а за совесть?

В пути нас сопровождал командир роты капитан Шрамко. На вторые сутки поезд прибыл в Свердловск. Построив нас на перроне вокзала, командир проверил, все ли мы прибыли, и

строим вывел на привокзальную площадь. Сели в трамвай и доехали до остановки «Уралмашзавод». Сошли с трамвая на большой площади перед проходной завода. Перед нами простирался могучий гигант по производству бронетанковой техники. С территории завода ежедневно выходил танкосамоходный полк. Пешим порядком мы прибыли на окраину города в 5-й запасной танковый полк. Нас разместили в одном из помещений вместе с другими офицерами, ожидавшими боевую технику. Рядом расположился барак для рядового и сержантского состава, прибывшего из учебно-танковых полков на формирование боевых рот. Несмотря на то, что мы были офицерами, с территории полка нам разрешалось уходить только с ведома командира. Быстро летело время, и каждый день из ворот завода отправлялись эшелоны на фронт.

### В 39-м учебно-танковом полку

Где-то в середине июля 1944 г. из штаба полка прибыл посыльный и объявил о том, что командир полка вызывает на беседу меня и еще двух офицеров, окончивших училище на «отлично», — Павла Трегубова и Ивана Зубова. За столом сидели два полковника и капитан с папкой личных дел. Один из полковников — Борисенко, командир



М. В. Карташев — выпускник танкового училища

39-го учебно-танкового полка. Глядя на меня, он сказал: «Мне требуется грамотный офицер со средним образованием для подготовки механиков-водителей Т-34. Вы закончили училище с отличием и нам такие офицеры нужны». Я стоял навытяжку перед таким большим начальником и волновался. Подумав несколько секунд, я дал согласие. «Ну и хорошо», — сказал полковник, а потом добавил, что предписание можно получить в штабе и завтра же прибыть в полк. Ночь спал беспокойно, в голове роились разные мысли, сменяя одна другую. Тревожила неизвестность и ответственность за подготовку механиков-водителей. Я и сейчас вспоминаю с волнением свои первые шаги на командирском поприще.

В таком состоянии я добрался до штаба полка, расположенного недалеко от Березовского тракта. В штабе меня встретил дежурный, высокого роста, с тремя звездочками на погонах.

Прочитав мое предписание, он проводил меня в кабинет начальника штаба. Начальник штаба задал мне ряд вопросов: как доехал, где учился, участвовал ли в боях, как окончил училище. Он интересовался боевой подготовкой и учебным процессом в училище. Затем начальник штаба перевел разговор на тему, непосредственно касающуюся моей дальнейшей службы. Он положительно охарактеризовал моего предшественника, которого на полгода отправили в командировку в учебный центр под Тулу. «Вам придется принять его взвод и организовать учебный процесс до окончания его командировки», – сказал он. Для обучения и воспитания будущих механиков-водителей нужно иметь опыт и хорошо знать методику обучения. У меня, к сожалению, не было ни того, ни другого. Я знал хорошо оружие, танк, теорию стрельбы. Но у меня было желание овладеть искусством обучения.

Выйдя из кабинета начальника штаба, я прошел к командиру первого батальона капитану Дьяченко. С ним состоялась длительная беседа. Он подробно рассказал о роте и взводе, в котором предстоит мне служить. Рассказывая о взводе, комбат подробно охарактеризовал помкомвзвода, который старше меня на десять лет. Впоследствии я убедился, как много сделал полезного для взвода мой помощник в укреплении дисциплины. Дьяченко напутствовал: «Старайтесь найти в подчиненных хорошее. Будьте ближе к людям, уважайте и любите их. Ваше ревностное отношение к службе быстро передастся людям». Воодушевленный добрым командирским напутствием, я с большим желанием взялся за службу. После беседы с комбатом я представился командиру роты капитану Кононову. Он представил меня личному составу взвода. Командир роты более двух часов беседовал со мной, рассказал программу взвода: какие темы занятий предстояло провести в ближайшие дни по расписанию. Вечером я встретился с молодым техником-лейтенантом Даниловым, отвечавшим за изучение устройства танка и его эксплуатацию. На меня сразу свалилось много проблем. Первую ночь пришлось провести в каптерке старшины роты. Времени на раскачку и подготовку к занятиям не было. Вот тут и выручила меня хорошая подготовка в училище. Буквально на второй день стал проводить занятия по огневой подготовке.

Программа была очень насыщенная, и требовались исключительное упорство и трудолюбие командира взвода и его техника для того, чтобы за короткое время (шесть месяцев) подгото-

вить квалифицированных механиков-водителей. Я настолько активно и с азартом взялся за трудное дело, так влился в жизнь взвода, что готов был в нем находиться день и ночь. Командир роты напомнил мне, что через пять месяцев заканчивается учеба, и каждый солдат будет сдавать экзамены на право вождения танка и по другим предметам. Техник Данилов рассказал, что экзамены принимают офицеры из штаба бригады и штаба войск округа – очень строго. Если у курсанта во время сдачи экзамена заглохнет двигатель при преодолении танком препятствий, то его отстраняют от экзамена, и ему дается еще месяц на переподготовку. На практические занятия по вождению танка взвод выезжал в район Березовская в 20 км от Свердловска. Там на танкодроме отрабатывались практические занятия. Опыт вождения танка я набирал с каждым днем и мог смело показать солдату, как управлять машиной.

Время было так уплотнено, что в первые два месяца командования учебным взводом не было даже возможности сходить в кино, в театр. Вскоре мы с младшим лейтенантом Зубовым сняли в частом доме комнату. Жили, по существу, бесплатно, разве только привезли за зиму четыре кубометра дров. Постепенно стал ощущать плоды своей службы: у солдат пополнились знания. Появился еще больше интерес качественно проводить занятия. К каждому из них я готовился тщательно. Чувствовалось, что солдаты ценят меня за усердие по службе и внимание, которое я проявляю к их обучению.

Спустя 50 лет, вспоминая то трудное и вместе с тем прекрасное время, не могу не остановиться на промахах в службе. Слишком горячо брался за укрепление воинской дисциплины, проявляя иногда излишнюю требовательность во время строевой подготовки и, если бы не мой помкомвзвода, имевший жизненный опыт, ему тогда было 32 года, «наломал бы немало дров». Так, однажды я рассердился за то, что солдаты дремали на занятии из-за плохого питания. Я вывел их на строевую подготовку и приказал петь. Они отказались петь. Тогда я в наказание начал муштровать и заставил помкомвзвода еще час заниматься с ними строевой. К моему удивлению помкомвзвода в стороне поговорил о чем-то с ними, и они дружно запели в строю, проходя мимо меня. Я заулыбался, солдаты это почувствовали и еще громче запели строевую песню. Два раза в неделю, на подъем, я приходил в роту к шести часам, наблюдал, как солдаты поднимаются на физзарядку, и как выполняется

распорядок дня. Солдаты спали на трехъярусных нарах. Часть солдат на третьем ярусе уклонялись от физзарядки. Помкомвзвода забирался на нары с ремнем в руках и бил нерадивых ремнем. Однажды я сделал ему замечание о недопустимости подобных действий. Он ответил: «Они на меня не обижаются за мою справедливую требовательность».

На политических занятиях дело шло хорошо. Стремился вести рассказ о книге И. В. Сталина «Великая Отечественная война» без конспекта. На семинарских и методических занятиях, которые проводил замполит батальона, я принимал активное участие. Мое положение и авторитет в роте росли. Появилось желание побывать в городе. В Свердловске гремела слава оперного и драматического театров, филармонии, а особенно театра оперетты, где играли выдающиеся актеры сцены: Вискс, Матковский, Маренич. В 1944 г. я впервые узнал, что такое оперетта и посмотрел почти весь репертуар. С тех пор полюбил оперетту и на протяжении всей жизни по несколько раз смотрел оперетты «Сильва», «Марица», «Летучая мышь», «Свадьба в Малиновке», «Белая акация» и другие. Впервые посетил оперный театр им. Луначарского, слушал оперу «Евгений Онегин». В один из выходных дней был на концерте Свердловской филармонии.

В первых числах января 1945 г. мой предшественник приехал из командировки и приступил к своим прямым обязанностям командира взвода. Мне было жалко расставаться с солдатами, для которых я много сделал в обучении. Но я был горд, что труд не прошел даром, так как все солдаты успешно сдали экзамен комиссии. После экзамена они получили боевые машины и отправились вскоре на фронт.

Меня вызвали в отдел кадров 5-й учебно-танковой бригады, в которой командиром был полковник Бражников. Начальник отдела кадров пригласил меня пройти на прием к командиру бригады. Командир бригады поблагодарил меня за службу. Он также сказал: «Ваш командир батальона капитан Дьяченко очень хорошо отзывался о вашей службе, и мы направляем вас в 40-й учебно-танковый полк, который дислоцируется в Верхней Пышме, в 12 километрах от Свердловска». Проехав весь город на трамвае, я сошел возле завода Уралмаш, на перекрестке дороги на Верхнюю Пышму. Простояв минут тридцать, остановил грузовую машину. Оказалось, машина идет в полк, в котором мне предстояло служить. Водитель за полчаса доставил меня прямо к штабу полка. Дежурный по шта-

бу проводил меня в кабинет командира полка. Представился командиру полка полковнику Колхидашвилли. Командир вышел из-за стола, пожал мне руку и сказал, что ему звонили из штаба бригады и охарактеризовали меня положительно. Окрыленный такой оценкой своей деятельности, я готов был взяться за порученное дело на новом месте службы с еще большей энергией. Полковник спросил, когда я окончил училище, участвовал ли я в боях, женат или холост. Я рассказал командиру полка об участии в боях на Северном Кавказе, на Кубани, под Новороссийском при прорыве «Голубой линии» в составе 132-й отдельной танковой бригады. Рассказал также о службе в 92-й танковой бригаде, которой он командовал. Полковник заулыбался, как-то тепло, по-отечески, и с большим интересом стал расспрашивать, как воевала бригада после его перевода на другую должность. Я рассказал полковнику, как он из нашего экипажа взял хорошего механика-водителя в свой командирский танк, назвал механика-водителя по фамилии и имени. После длительной беседы о 92-й танковой бригаде, командир полка сказал, что мне предстоит служить в 1-м танковом батальоне в 5-й роте, готовить механиков-водителей. На этом наша беседа закончилась.

Мне предстояло представиться командирам батальона и роты. Командир батальона майор Мамаев принял меня просто, без какой-либо напыщенности. Он вел себя непринужденно, курил папиросу и большим пальцем правой руки то и дело касался правой щеки. Такая манера поведения у него была постоянно. Во время встречи с командиром батальона я заметил в нем доброго человека со слабой общеобразовательной подготовкой. Майор подробно рассказал о 5-й роте, лучшей во всем полку. Остановились на взводе, которым мне предстояло командовать. Его бывший командир был осужден трибуналом. Во взводе в течение месяца занятия проводили сержанты, и положение надо было выправлять, до выпуска механиков оставалось четыре месяца. Командир батальона вызвал в штаб командира роты лейтенанта Хоца. «Знакомьтесь, командир 3-го взвода вашей роты, младший лейтенант Карташев Михаил». Он крепко пожал мне руку, и пытливым строгим взглядом дал понять о своей высокой требовательности. Командир роты был невысокого роста, худощав, исключительно подтянут, шинель подогнана по талии, сапоги хромовые до блеска начищены, на кителе белоснежный воротничок. У меня возникла мысль о порядке в роте, высокой требовательности лей-

тенанта и крепкой воинской дисциплине. В этом вскоре и убедился, зайдя в роту. Наряд внутренней службы четко нес службу, постели на трехъярусных нарах заправлены как будто по шнуру. По краям матраца под одеялом вставлены две двухметровые палки, которые придают постели четко выраженный прямоугольник. Нары покрашены масляной краской. Чистота и порядок в роте стали как бы эталоном для подражания в полку. Кто бы из большого начальства ни прибывал, обязательно показывали пятую роту. Вскоре ее командир лейтенант Хоца получил досрочно воинское звание старшего лейтенанта. На строевых смотрах рота занимала первое место. Подтянутый командир роты того же требовал и от нас. Нашим командирам взводов нелегко приходилось, и вместе с тем было приятно, мы правофланговые, о нас шла слава на всю танковую бригаду. Лейтенант Хоца ввел меня в курс дела, показал расписание занятий на неделю. Времени на какую-то раскачку не было. Утром перед разводом на занятия командир роты представил меня личному составу взвода.

Первое мое занятие было о работе противоткатного устройства 85-миллиметровой пушки. Занятие прошло хорошо, но, прежде чем рассказать новую тему, решил проверить пройденный материал. Выяснилось слабое знание теории стрельбы, ибо сержанты не смогли глубоко и доходчиво довести до солдат эту тему. Техник взвода лейтенант Рудаков отвечал за техническую подготовку и вождение боевых машин. От беседы с ним остались благоприятные впечатления. Побывав у него на занятиях, пришел к выводу, что во время рассказа темы необходимо шире использовать макеты, плакаты и непосредственно танк Т-34. Техник обладал спокойствием, поразительной выдержкой в обучении солдат. У меня с ним было единство, он исполнял служебный долг добросовестно, с высокой ответственностью за порученное дело.

Замечательные офицеры роты: старший лейтенант Голубев, техник-лейтенант Пшеничко, младший техник-лейтенант Косарьков и младший лейтенант Бураков отдавали много сил и старания в обучении и воспитании солдат. Мы настолько отдавались службе, что забывали про личные интересы. Мы почти не читали художественной литературы, да и не было на это времени. Война шла к завершению, а полк жил напряженной боевой учебой. Должен заметить, что в полку основная часть офицеров не участвовала в боях, но они выполняли такой объем учебного процесса, который подчас не под силу бывалому

фронтовику. К примеру, в полк прибыл старший лейтенант Жук, награжденный пятью орденами за подвиги на фронте, но он не справился с учебной ротой и вскоре вновь попросился на фронт. С гордостью вспоминаю об офицерах полка, подавляющая часть которых после окончания войны поступила в военные академии.

Поддерживать свой успех и авторитет мне частично помогал спорт. С детских лет много бегал, ходил на лыжах, купался, играл в футбол. Больше меня закалили футбол и гимнастика. Закалку по гимнастике получил в средней школе № 1. Многому научился от Алексея Макурина, который делал упражнения на турнике и брусьях в пределах первого спортивного разряда. Я обладал всесторонней физической подготовкой. Мог на уровне второго разряда работать на турнике, брусьях, бегать на короткие и длинные дистанции. Я хорошо играл в волейбол на второй линии, занимался штангой и стрельбой из пистолета и винтовки. В спорте наш взвод занимал всегда первое место в роте и батальоне, что, безусловно, способствовало моему авторитету. В 39-м и 40-м полках в субботние дни организовывались для офицеров вечера с танцами под духовой оркестр. Мы тщательно готовились к этим мероприятиям, до блеска чистили сапоги и утюжили мундиры. Офицеры проживали в общежитии, построенном в зимнее время. В нем было так холодно и неудобно, что приходилось на ночь выделять солдата-истопника, чтобы поддерживать нормальную температуру. В дни получения денежного содержания ходили в поселок выпить две-три кружки пива.

Каждую неделю теоретическая учеба с солдатами чередовалась с практическим вождением боевых машин. Перед тем как начать обучение по вождению, я сам садился за рычаги танка и проверял его техническое состояние. На старте находился сержант, контролировавший начало и конец движения танка. Каждому солдату надлежало наездить тридцать моточасов, таков был шестимесячный курс обучения. Батальонами обеспечения и учебным батальоном подавалась об этом противоречивая отчетность. Первый стремился приписать большее количество наезженных моточасов, а второй – не допустить подобного (то есть приписок), ибо это неблагоприятно сказывалось на опыте вождения курсантов.

Однажды к нам прибыл командующий Уральским военным округом генерал-полковник Кузнецов. Дежурный по полку позвонил командиру батальона и предупредил, что через несколько



минут прибудет командующий. Командир роты немедленно сообщил мне о том, что, возможно, командующий зайдет в землянку и поинтересуется ходом занятий. Я в то время проводил занятия по топографии, вдруг отворилась дверь землянки, и на пороге появился генерал в сопровождении свиты из старших офицеров. Я доложил командующему по форме о том, что проведу занятия по топографии. Он скомандовал: «Вольно», и все солдаты сели.

На столе возле топографической карты лежал красный карандаш. Командующий взял карандаш и быстрым движением провел по карте темно-красную черту. Затем он обратился к одному из солдат, последний встал и громко представился: «Рядовой Терновский». – «Проведете ли вы танк по маршруту, начертанному карандашом?» – задал вопрос генерал. «Танк по этому маршруту пройдет, так как речка небольшая, берега песчаные и не крутые, а дальше высота с крутизной два градуса», – ответил солдат. Командующий, довольный его ответом, сказал: «Ну, хорошо, товарищ лейтенант». Тут не выдержав, командир полка полковник Колхидашвили сказал: «Товарищ командующий, это мой сослуживец по фронту, недавно окончивший училище».

В первые годы моего становления мне везло на помощников и техников взвода. С большой гордостью вспоминаю о старшине Филимонове и старшем сержанте Солодовщикове. Старшина Филимонов обладал исключительными способностями умело вторгаться в душу солдата и вести за собой «в огонь и в воду». Военская дисциплина во взводе находилась на должном уровне, и в этом его большая заслуга. К его чести надо добавить, что на фронте он храбро проявил себя, за что был награжден медалью «За отвагу» и орденом «Красной звезды». Прослужив во взводе полгода, он, однажды, возвращаясь из поселка поздно вечером «навеселе», случайно встретился с командиром полка. Полковник Колхидашвили усадил старшину в машину и доставил его на полковую гауптвахту на 10 суток. После того, как старшина Филимонов отсидел десять суток, его перевели служить в третий батальон в поселок Арамил, в 50 километрах от полка. Он был хорошим моим заместителем и в любой момент мог поднять боевой дух солдата. После старшины Филимонова помкомвзвода стал старший сержант Солодовщиков, родом из Оренбургской области. Крепкого телосложения, среднего роста, смелый и решительный, он быстро завоевал авторитет у солдат. Легко работалось с такими

помощниками, и я получил большое удовлетворение от службы.

Однажды при несении караульной службы рядовой Нариманов вскрыл овощехранилище. Кладовщик при приеме склада обнаружил сломанный замок, помкомвзвода моментально определил, что это дело рук Нариманова. В беседе с ним Нариманов признался в сломе замка овощехранилища. Помкомвзвода не сдержался и нанес солдату сильный удар по лицу. Мне надлежало немедленно отстранить солдата от караульной службы и изъять у него боеприпасы, но я этого не сделал, и через несколько минут прозвучал выстрел. Пуля прошла через шинель и телогрейку навывлет, не коснувшись тела Солодовщикова. После осуждения Нариманова на 2 года пришлось его сопровождать в дисциплинарный батальон.

Накануне праздника 1 Мая полк проводил тактические учения. В ходе их мы узнали по радио о падении Берлина. Не было предела нашей радости. И вот эту радостную весть мы встретили в лесу на учениях, в районе Невьянска. Какая была ликующая радость: конец войны! Закончились наши учения, и мы возвратились в полк. Во второй половине дня 9 мая на плацу выстроился полк. В честь Победы мы прошли торжественным маршем перед трибуной, на которой находилось командование полка. С каким подъемом играли музыканты полка, а ротные колонны кричали «Ура» на поздравления командования в честь Победы. От радости солдаты и офицеры обнимались, у многих на глазах были слезы. Офицеры собирались небольшими компаниями. Для солдат на полковой кухне готовили праздничный обед. Для вкусного обеда и ужина закололи несколько свиней из подсобного хозяйства. В честь Дня Победы в поселке Верхняя Пышма возле Дома культуры состоялось массовое гулянье. Народ ликовал, радовался, гремела музыка.

**КАРТАШЕВ Михаил Васильевич –**

ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ